

Водитель нажал на кнопку, и в салоне зазвучала еще более тихая и плавная песня на кантонском. Атмосфера в машине стала жуткой, а сердце Цзянь Жочэня забилося в бешеном ритме.

Всплеск адреналина заставил его то бросать в жар, то бить в озноб; пальцы мелко задрожали. Чтобы прийти в себя, он опустил стекло, впуская в душный салон прохладу ночной гавани. Вместе с ветром внутрь ворвался неоновый свет и приглушенный гул улиц, постепенно выветривая сложный запах дешевого парфюма и мертвечины.

Юноша быстро взял себя в руки. Его пальцы начали машинально выстукивать ритм по колену — верный признак глубокой сосредоточенности.

Этот водитель явно его знал, но вот с Гуань Инцзюнем знаком не был. Иначе он ни за что не посадил бы в машину, полную улик, опытного инспектора уголовного розыска. Это было бы равносильно явке с повинной.

«Значит, он пришел именно за ним? Но каков мотив?»

Цзянь Жочэнь облизнул губы и незаметно придвинулся ближе к Гуань Инцзюню. Тот склонил голову и едва слышно, одним дыханием, прошептал:

— Страшно?

Инспектор рассудил по-своему: перед ним первокурсник, который вряд ли когда-либо видел настоящий труп. Каким бы острым ни был ум юноши, страх в такой ситуации — вещь вполне естественная. Гуань Инцзюнь, впрочем, не слишком понимал, как именно нужно утешать в таких случаях.

За годы службы в Бюро криминальной разведки, а затем в Отделе по расследованию особо тяжких преступлений он насмотрелся на столько крови, что счет потерял. Он не раз балансировал на грани жизни и смерти, привык отдавать приказы и действовать жестко. Его подчиненные хоть и казались порой простоватыми, на деле были элитой, прошедшей суровый отбор. Они не нуждались в утешениях: каждый из них с первого дня службы учился в одиночку справляться с ужасом и физиологическим отвращением при виде смерти.

С таким юным напарником Гуань Инцзюнь столкнулся впервые. Чувствуя себя немного беспомощным, он просто притянул Цзянь Жочэня к себе и тихо пообещал:

— Я рядом. Ничего не случится.

Тот лишь фыркнул, выпуская воздух через нос:

— Хм? Ты всё не так понял.

Сэр Гуань в ответ лишь неопределенно хмыкнул, на миг задумавшись. Он списал реакцию юноши на обычное подростковое упрямство — в этом возрасте мало кто хочет признавать свою слабость.

Воспользовавшись тем, что инспектор отвлекся, Цзянь Жочэнь молниеносно запустил руку ему под куртку, ощупывая бок. Гуань Инцзюнь мгновенно окаменел. Выражение его лица стало ошарашенным; он едва не подскочил на месте, а мышцы под одеждой натянулись как стальные тросы.

Он перехватил руку Жочэня, судорожно вдохнул, тут же поперхнулся тяжелым запахом в салоне и глухо закашлялся. Водитель медленно перевел на них взгляд через зеркало заднего вида.

Инспектору пришлось с каменным лицом подавить кашель. Когда таксист отвернулся, Гуань Инцзюнь, едва не скрежеща зубами, прошипел:

— Ты что творишь?

Юноша, подражая манере собеседника, ответил шепотом:

— Проверяю, взял ли ты ствол.

Напряжение в плечах Гуань Инцзюня начало медленно спадать. Он с ледяным видом отпустил запястье и, чеканя каждое слово, выдохнул подопечному в самое ухо:

— Зачем тебе оружие? У каждого полицейского ствола есть номер, его нельзя передавать посторонним.

— Раз взял, значит, порядок, — пробормотал Цзянь Жочэнь. — Посмотрим, смогу ли я вытрясти из него еще парочку раскрытых дел для статистики.

Гуань Инцзюнь почувствовал неладное.

«Спрашивай сколько влезет, — мелькнуло у него в голове, — но при чем тут пистолет?»

Он искоса взглянул на юношу: в глазах того не было ни капли страха. Лишь чистейший азарт и предвкушение.

Пассажир слегка откашлялся и, нацепив самую доброжелательную улыбку, завел

непринужденный разговор:

— Шеф, давно в извозе? Бывало за рулем что-нибудь интересное?

Таксист бросил на него ленивый взгляд через зеркало.

— Порядочно. Интересных людей хватает.

— Расскажите? — подбодрил его Жочэнь.

Машина замерла на красный свет, и утробный рокот двигателя затих. Водитель внезапно рассмеялся — его голос был хриплым и неприятным, словно скрежет гравия.

— Как-то вез я одну студентку. Села в машину, как раз когда со своим хахалем ругалась. А я... я всегда за то, чтобы расставались. Мирить — не моё.

Зажегся зеленый, и такси снова тронулось. Шины с противным визгом полоснули по асфальту, напоминая звук ногтей, скребущих по классной доске. Водитель поднял глаза, и в зеркале снова мелькнули его жуткие, полуслепые бельма. Складки в углах глаз сложились в подобие застывшей ухмылки.

— Студентка та оказалась редкостной дрянью, — многозначительно добавил он. — Сидела сразу на двух стульях.

Цзянь Жочэнь понимающе кивнул, погружившись в раздумья. Тем временем водитель резко сменил тему:

— В этом мире слишком много похотливых мужиков и баб. Вот взять хотя бы сына этого Цзянь Миншаня... как его, Жочэнь? Ни стыда, ни совести, ни капли почтения к старшим.

Тот лишь хмыкнул, окончательно всё поняв.

Типичный таксист средних лет: если не жалуется на политику, значит, костит экономику. А этот из тех «моралистов», что любят отпускать сальные шуточки в адрес пассажиров и судить всех вокруг, едва выпадает шанс поучить кого-то жизни.

Лучший способ заставить такого человека потерять рассудок — это вывести его из себя. Водитель прекрасно знал, кто сидит у него в машине, и намеренно оскорблял его в лицо, явно ожидая вспышки гнева и яростных оправданий.

«Ну уж нет»

Жочэнь повел себя так, будто и не догадывался, что речь идет о нем самом. Наполнив голос искренним любопытством, он спросил:

— И что же в нем такого особенного?

Водитель осекся, его лицо на миг застыло в недоумении.

Что происходит? Он что, не того подобрал?

Невозможно! У Цзянь Жочэня слишком характерная внешность, его не спутаешь. Но нормальный человек, когда его поливают грязью в глаза, должен либо взорваться, либо начать спорить.

А это что за реакция? Неужели он настолько бесстыжий?

У таксиста не было времени на раздумья — остатки его и без того зыбкого здравомыслия окончательно лопнули.

— Цзянь Жочэнь ради денег, ради наследства, упек собственного отца за решетку по липовым обвинениям! Разве это не верх сыновней неблагодарности?

Гуань Инцзюнь нахмурился. Слухи становились всё абсурднее. Как работает система в Изоляторе временного содержания суда Западного Цзюлуна? Неужели они позволили журналистам допрашивать Миншаня? Неужели они не понимают, что загнанный в угол преступник ради спасения готов на любую ложь и любую грязь?

Инспектор уже открыл было рот:

— Он...

Но Жочэнь тут же прижал ладонь к его губам, пресекая попытку вмешаться, и согласно закивал водителю:

— А ведь верно, есть в этом доля правды. Что еще расскажете?

Гуань Инцзюнь замер в немом вопросе. Водитель тоже впал в ступор. Он до дрожи хотел услышать оправдания Цзянь Жочэня, хотел увидеть, как это красивое лицо исказится в праведном гневе.

Дыхание таксиста участилось, он злобно выплюнул:

— Он еще и чувствами людей играет!

Глаза юноши азартно блеснули.

— Можно поподробнее?

Этот водитель, похоже, питал какую-то болезненную одержимость темой «верности». Меньше чем за пять минут он дважды упомянул измены и интрижки. Это могло стать той самой точкой надлома, местом, которое задевало его сильнее всего.

Водитель в исступлении ударил по рулю, и машина отозвалась резким сигналом.

— Когда он еще учился на медика в Университете Сянгана, он хвостом вилял перед профессорами, чтобы выманить ответы к экзаменам и стать первым! И при этом умудрялся преследовать жениха собственного брата! А как перевелся, так сразу начал крутить шашни со старшими инспекторами Западного Цзюлуна! Пользуется смазливой мордашкой, ха! — Он презрительно усмехнулся. — Обводит всех вокруг пальца.

Юноша картинно ахнул:

— Ого! Сколько всего... Вы так хорошо осведомлены.

Ярость, закипавшая в груди Гуань Инцзюня от этих сплетен, внезапно сменилась оторопью.

«Как можно слушать гадости про самого себя с таким ледяным спокойствием? Ему что, совсем не обидно?»

Жочэнь тем временем поддакивал:

— Если всё так, как вы говорите, то парень и впрямь дрянной.

Водитель окончательно застрял на месте. Гнев, не находя выхода, распирал его изнутри, лишая контроля над собой. Почему Жочэню не стыдно? Почему он не злится? Если он не сопротивляется, то как его судить? Как наказывать?

Сквозь зубы водитель процедил:

— Это еще не всё! Только сегодня я узнал, что он, оказывается, еще одного дома пригрел.

Жочэнь на секунду замер. Он посмотрел на водителя, потом перевел взгляд на Гуань Инцзюня. И тут его осенило.

«А-а, этот придурок принял наши отношения с сэром Гуанем за что-то иное»

Судя по всему, у водителя явно не всё было в порядке с головой. Он страдал манией величия, возомнив себя верховным судьей, в чьей власти решать, кому жить, а кому умирать. И чем больше «грехов» он приписывал воображаемому Цзянь Жочэню, тем сильнее распалялась его ярость.

Юноша продолжал подливать масла в огонь:

— Значит, и дома верная жена, и на стороне — целый гарем? — Он тщательно подбирал слова, играя на чувствах «судьи», и добавил с преувеличенным возмущением: — Какой подлец!

Гуань Инцзюнь лишь молча залез под куртку и незаметно нащупал рукоять пистолета. Теперь он понял, почему Жочэнь спрашивал про оружие. Оно и впрямь было необходимо.

Таксист буквально подавился словами, не зная, что ответить. В голове у него стало пусто. Если бы Жочэнь яростно отрицал вину, он бы с наслаждением начал читать ему мораль, обосновывая свой «приговор». Но Жочэнь соглашался с каждым словом.

Водитель перестал притворно улыбаться. В приступе бешенства он выжал педаль газа в пол; стрелка спидометра мгновенно прыгнула к отметке сто двадцать. Он отбросил маску и заорал:

— Ты теперь со знаменитостями трешься, нашел к кому присосаться, и старые привязанности тебе больше не нужны, так?! Ты любому готов так улыбаться и глазки строить?! Ты такой же, как тот мужик! Преступник перед обществом! Покойник, который еще ходит! Ты... — Водитель разразился потоком грязной брани на кантонском.

Слушая этот поток помоев, Гуань Инцзюнь почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Он медленно передернул затвор пистолета и опустил большой палец на предохранитель.

А глаза Жочэня загорелись еще ярче.

«Какой еще мужик? Он еще жив? Или это тот самый труп в багажнике? Ну же, говори еще»

Он холодно усмехнулся, подстегивая безумца:

— Значит, простая беседа для тебя — уже «строить глазки»? Ну и фантазия у тебя. Ты в зеркало-то на себя смотрел? Кто тебе вообще глазки строить станет?

Водитель резко ударил по тормозам; его дыхание напоминало рев разъяренного быка. Взгляд, брошенный на заднее сиденье, был полон яда.

Жочэнь небрежно заправил прядь волос за ухо и почти навалился на Гуань Инцзюня, продолжая издевательски провоцировать:

— А так? Тоже напоминаю того твоего мужика?

Палец водителя нажал на кнопку центрального замка. Раздался резкий щелчок — все четыре двери заблокировались. Машина снова медленно тронулась.

Таксист больше не улыбался. Кожа на его скулах обвисла, словно подтаявший воск на манекене, придавая ему сходство с оскаленным черепом.

— Недолго тебе осталось радоваться, — глухо произнес он.

Жочэнь ответил с полным безразличием:

— Да ну?.. И что стало с тем парнем, который тебя обманул?

Водитель окончательно потерял берега, его захлестнуло безумие:

— Я запаковал его в коробку и запер в шкафу у кровати. Теперь он всегда будет со мной.

Юноша сжал край футболки Гуань Инцзюня, сминая ткань в кулаке. Жертва-мужчина, о которой говорил этот псих, находится у него дома.

«Тогда кто же в этой машине?»

Цзянь Жочэнь на мгновение задумался и бросил:

— Никто не захочет быть с таким, как ты. Даже мертвецы.

Дыхание водителя стало хриплым, последние крупницы разума испарились. Он в ярости дважды ударил по рулю и зарычал под вой клаксона:

— Ты сдохнешь!

— Неужели? — Жочэнь мельком увидел пистолет в руке инспектора, и чувство безопасности мгновенно окрепло. Он рассмеялся, словно настоящий маленький негодяй: — Слышал? Он говорит, что убьет меня. Подумать только, какой-то паршивый таксист смеет так разбрасываться словами.

Этого водитель вынести не смог. Он резко затормозил, выхватил из кармана у сиденья охотничье ружье и, развернувшись, направил его на Жочэня.

— Какой-то таксист?! Ты смеешь презирать меня?! Все, кто так говорил, уже в земле! Все до одного!!

Он бешено затрясся:

— Я еще сомневался... Ты такой красивый, я не хотел тебя убивать. Если бы ты вел себя тихо, если бы бросил этих своих непутевых мужиков и покаялся как следует, я бы даже деньги вернул заказчику. Запер бы тебя в клетке и содержал бы до конца дней. Но теперь... — Безумец гадко усмехнулся.

В ослеплении яростью он даже не заметил, что ружье не заряжено. Его била крупная, болезненная дрожь.

— Презираешь меня? Ха-ха! Пусть так, зато я уже прикончил пятерых! И ты станешь следующим. Дрянь продажная...

Пятеро? Целых пять жертв?

В этот миг Гуань Инцзюнь нанес удар. Его левая рука молниеносно перехватила ствол ружья и рванула его вверх. Железная трубка, не выдержав чудовищной силы инспектора, согнулась дугой.

Правой рукой он приставил заряженный пистолет к голове водителя и холодно процедил:

— Пятеро, значит?

Вся ярость, которую инспектор сдерживал до этого момента, вырвалась наружу.

— Откуда ты узнал, что Цзянь Жочэнь сегодня ужинал в «Чэнь Хэтане»? — ледяным тоном спросил он. — Ты сказал, что тебе заплатили? Кто заказал Жочэня? Кто скормил тебе все эти сплетни?

<http://bllate.org/book/15833/1435975>